

Е. А. Гребень

**ВЛИЯНИЕ ПОЛОВОЗРАСТНОГО И ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ФАКТОРОВ
НА ВОСПРИЯТИЕ ИНФОРМАНТАМИ
ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИИ БЕЛАРУСИ В 1941–1944 гг.**

Воспоминания очевидцев исторических событий, в частности германской оккупации Беларуси 1941–1944 гг., – источник очень субъективный. Восприятие истории конкретным лицом нельзя в полной мере считать отражением реальной ситуации в рассматриваемую эпоху, поскольку на трактовку человеком событий спустя значительный временной промежуток влияют множество факторов, рассказ каждого человека уникален, часто может диссонировать с трактовкой другого информанта. Поэтому для создания максимально достоверной картины оккупационной повседневности на основе воспоминаний следует учитывать следующие факторы: информант мужчина или женщина; совершеннолетний на момент оккупации или трудоспособный (16 лет и старше) или нет; проживание информанта в западной или восточной части Беларуси; населенный пункт находился под продолжительным, устойчивым контролем оккупантов или в зоне контроля партизан.

Первая позиция сравнения – воспоминания мужчин или женщин. В мужских (крайне редких воспоминаниях в силу ряда факторов (меньшая продолжительность жизни, мобилизация многих мужчин на фронт после освобождения БССР и, соответственно, гибель многих на фронте) фигурируют контакты с оккупационными властями (немецкие чиновники, военнослужащие вермахта, сельские старосты, волостные бургомистры, полицейские) по вопросам сдачи натуральных налогов, исполнения обязательной трудовой повинности и любым иным вопросам. Также информанты-мужчины сообщают о сборе оружия, похоронах погибших красноармейцев в 1941 г., изготовлении самогона (последний факт женщины лишь констатируют, сообщая, что изготавливал муж или отец, но могли производить и сами). Характеристика личности старосты или полицейского равно вероятна во всех воспоминаниях, независимо от пола, тем более что некоторых коллаборационистов находили спустя многие годы после войны, и граждане знали о судебных процессах над ними, могли выступать в качестве свидетелей [1; 2; 3; 4; 5; 6]. В воспоминаниях женщин официальные контакты с властями, как правило, не фигурируют, за исключением тех случаев, когда в семье отсутствовал мужчина-глава и женщине приходилось его заменять [2].

Независимо от пола одинаково подробно описывается оккупационный быт, если эта составляющая оккупации не оттеняется иными, более травматическими воспоминаниями, например, принудительными работами в Германии или нахождением в концентрационном лагере [7; 8; 9].

Вторая позиция сравнения – совершеннолетний / трудоспособный был информант на момент описываемых событий или нет. Чем позже относительно окончания Великой Отечественной войны записано интервью, тем реже

встречаются информанты, которым в годы оккупации было свыше 16-ти лет. Тем не менее трудоспособные граждане могут рассказать о выполняемых в пользу оккупантов работах (гужевая повинность, очистка дорог и др.), только если они проживали в контролируемых оккупантами населенных пунктах [3; 10]. Дети часто могли и не знать, какие работы выполняют трудоспособные члены семьи, поэтому довольно редко хотя бы упоминают о подобных работах, в отличие от описания оккупационного быта. Тотальный дефицит продуктов питания, экстремальная гастрономия, голод, отсутствие мыла, спичек, керосина, экстремальные практики выживания в условиях тотального дефицита, жизнь в лесных лагерях запомнились всем без исключения информантам [4; 11; 12].

Третья позиция сравнения – проживание информанта в западной или восточной части Беларуси. Нахождение западных районов в составе Польши до сентября 1939 г. имело следствием некоторые отличия в оккупационной повседневности. В частности, жители западных районов лучше были обеспечены промтоварами, запасы которых сохранялись некоторое время в условиях оккупации. Также в регионе в основном сохранилось подворное землепользование, поэтому граждане продолжали работать на своей земле или батрачили. Если земли не было, так же, как и до войны, лучше были обеспечены скотом [2; 3; 13]. Жители восточной части Беларуси рассказывают о разделе колхозной земли и инвентаря, хотя в отдельных случаях могла сохраняться довоенная система коллективного землепользования под контролем партизан. В восточной части также существовала практика закрепления одной коровы или лошади в пользование за несколькими хозяйствами одновременно по причине дефицита скота [6; 14; 11; 15]. Информанты из западных районов демонстрируют более настороженное отношение к партизанам, большинство из которых были уроженцы БССР до сентября 1939 г. или других регионов СССР. Но и жители восточных районов, давая в целом более позитивные оценки партизан, также четко разделяют партизан из числа местных жителей и партизан из других регионов СССР («калининцы», «смоленские»). Оценки последних гораздо более сдержанные, и эксцессы в отношениях с мирным населением информанты чаще связывают именно с ними [2; 3; 6; 14; 16; 17].

Четвертая позиция сравнения – информант проживал в населенном пункте, контролируемом оккупантами (в котором долгое время размещался гарнизон немцев или полицейских, где могла размещаться волостная управа) или же на территории, контролируемой партизанами. Воспоминаний жителей из первых населенных пунктов крайне мало, поскольку, с ростом масштабов народного сопротивления, многие деревни переходили под контроль партизан или же оказывались в так называемой «серой зоне», которую надежно не контролировала ни одна из противоборствующих сторон. Поэтому очень немногие информанты сообщают о возможности посещать рынки в городах, обращаться за помощью в медучреждения, обучаться в школе, если информант был ребенком (как правило, в 1941–1942 гг., не позднее).

Некоторые информанты сообщают об эвакуации немцами гражданского населения в западные районы. Отправка на принудительные работы в Германию в таких деревнях проходила посредством рассылок повесток через старост, в отличие от подконтрольных партизанам деревень, где граждан захватывали во время карательных операций против партизан [15; 18; 19; 20; 21; 22].

Информанты из перешедших под контроль партизан или находящихся на границе зон контроля партизан и оккупантов населенных пунктов повседневность описывают иначе: грабежи, а не упорядоченный сбор налогов немцами, голод, перманентный страх за свою жизнь. В таких воспоминаниях в обязательном порядке фигурируют партизаны, которые регулярно заходили в деревни за продуктами или даже продолжительное время размещались на постой. Поэтому многие информанты помнят имена рядовых партизан и командиров, названия различных отрядов и бригад. Практически все информанты из подобных деревень описывают карательные операции нацистов, борьбу за выживание в лесных лагерях, в которых находились много месяцев [4; 5; 6; 11; 17]. Впрочем рассказы о жизни в лесу характерны и для жителей деревень, которые, с расширением движения Сопротивления, выпали из-под контроля оккупантов.

Таким образом, восприятие информантом оккупационной повседневности формировалось под влиянием ряда факторов, поэтому вполне естественна мозаичность восприятия одних и тех же событий разными людьми, акцентирующих внимание на наиболее значимых для них аспектах жизни в условиях оккупации. Ни одно из воспоминаний не следует рассматривать как абсолютно точное отражение оккупационной действительности, но в совокупности они дают достоверную картину, иллюстрируют многообразие людских судеб, специфику ситуации в различных микрорегионах, различные стратегии выживания в экстремальных ситуациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воспоминания Васильева Владимира Яковлевича, 1927 г. р.; записаны 4 июля 2009 г. в д. Островские Витебского района. Аудиозапись (54 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

2. Воспоминания Урбанович Елены Ивановны, 1920 г. р.; записаны 12 августа 2017 г. в г/п Лынтупы Поставского района. Аудиозапись (1 час 11 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

3. Воспоминания Федорович Викторией Людвиковны, 1932 г. р.; записаны 12 августа 2017 г. в д. Попелики Поставского района. Аудиозапись (52 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

4. Воспоминания Андрон Нины Захаровны, 1932 г. р.; записаны 13 августа 2017 г. в д. Русины Поставского района. Аудиозапись (20 минут на русском языке) хранится в личном архиве автора.

5. Воспоминания Храменок Ольги Андреевны, 1935 г. р.; записаны 23 февраля 2009 г. в г. Лепеле. Аудиозапись (43 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

6. Воспоминания Миньковой Александры Филипповны, 1928 г. р.; записаны 12 мая 2019 г. в д. Павлово Россонского района. Аудиозапись (26 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

7. Воспоминания Лукашевич Ядвиги Иосифовны, 1923 г. р.; записаны 7 октября 2017 г. в д. Переслега Поставского района. Аудиозапись (22 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

8. Воспоминания Рассказовой Любви Степановны, 1933 г. р.; записаны 9 июля 2010 г. в д. Бабча Лепельского района. Аудиозапись (48 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

9. Воспоминания Гиль Прасковьи Ильиничны, 1927 г. р.; записаны 13 августа 2017 г. в д. Теляки Поставского района. Аудиозапись (46 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

10. Воспоминания Койры Фелиции Бернардовны, 1927 г. р.; записаны 12 августа 2017 г. в д. Ковали Поставского района. Аудиозапись (1 час 3 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

11. Воспоминания Лебедевой Ольги Ивановны, 1927 г. р.; записаны 12 мая 2019 г. в д. Шалашники Россонского района. Аудиозапись (43 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

12. Воспоминания Зыковой Александры Герасимовны, 1934 г. р.; записаны в г/п Освея Верхнедвинского района. Аудиозапись (58 минут на русском языке) хранится в личном архиве автора.

13. Воспоминания Теляк Тамары Константиновны, 1924 г. р.; записаны 13 августа 2017 г. в д. Теляки Поставского района. Аудиозапись (24 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

14. Воспоминания Полевечко Марии Александровны, 1922 г. р.; записаны 12 мая 2019 г. в д. Якубово Россонского района. Аудиозапись (45 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

15. Воспоминания Санковской Лидии Васильевны, 1927 г. р.; записаны 11 августа 2008 г. в г. Витебске. Аудиозапись (1 час 7 минут на русском языке) хранится в личном архиве автора.

16. Воспоминания Сакович Леокадии Альбертовны, 1923 г. р.; записаны 7 октября 2017 г. в д. Сороки, Поставского района. Аудиозапись (14 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

17. Воспоминания Бондаревой Евгении Кондратьевны, 1922 г. р.; записаны 12 мая 2019 г. в д. Великое Болото Россонского района. Аудиозапись (10 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

18. Воспоминания Снежин Станиславы Григорьевны, 1923 г. р.; записаны 18 апреля 2014 г. в д. Жигули Верхнедвинского района. Аудиозапись (57 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

19. Воспоминания Марченко Марии Федоровны, 1929 г. р.; записаны 14 августа 2008 г. в д. Мазолово Витебского района. Аудиозапись (1 час 30 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

20. Воспоминания Рубашенко Надежды Ивановны, 1932 г. р.; записаны 12 мая 2019 г. в д. Селявщина Россонского района. Аудиозапись (25 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

21. Воспоминания Павловой Нины Максимовны, 1924 г. р.; записаны 20 августа 2008 г. в г. Витебске. Аудиозапись (1 час 19 минут на русском языке) хранится в личном архиве автора.

22. Воспоминания Стельмах Анны Иосифовны, 1932 г. р.; записаны 20 сентября 2011 г. в д. Стайск Лепельского района. Аудиозапись (29 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.